

Семидесять годы прошлого века... Хотя это и звучит, как будто это было страшно давно, но это было при нас – и кажется совсем недавно.

Так вот, в семидесятые годы прошлого века у нас в стране был самый настоящий пик популярности поэзии. Русских поэтов было много «хороших и разных», тиражи были большие и очень большие. Мировая поэзия у нас издавалась очень широко. У переводчиков работы было много, гонорары платили хорошие и очень хорошие. Культурными у нас становились и японские, и испанские, и американские поэты... Становились такими и поэты Востока. Вот у меня на столе книжечки серии «Избранная лирика Востока». Руми, Рудаки, Махтумкули, Навои, Фирдоуси, Саади, Хафиз, Джамии, Хайям... Издательство ЦК компартии Узбекистана. Ташкент, 1977 год. Тираж каждой книжечки от 100 тысяч до 300 тысяч.

И эти книжечки раскупались, как нынче говорят, «как горячие пирожки». Речь в этой моей заметке пойдет о свежей книге Махтумкули, изданной к 300-летию со дня рождения туркменского классика.

Если в 1977 году тираж Махтумкули в серии «Избранная лирика Востока» был 200 тысяч экземпляров и принёс партийному издательству хорошую прибыль, то нынешний тираж – 500 экземпляров и, конечно, издана она на деньги благотворителя, и о прибыли тут не может быть и речи.

Так у нас сегодня устроено в книжном деле с изданием и продажей поэтических книг, и так у нас сегодня упал в целом интерес читателей к поэзии. И надежда пока только на энтузиазм некоторых издателей, благотворителей и переводчиков.

В данном случае таким энтузиастом стал известный поэт и переводчик Валерий Латынин. Он взялся перевести около семидесяти стихотворений Махтумкули, которые и составили книгу «Истины» издательства «Вече».

Надо сказать, что Валерий совершил своеобразный переводческий подвиг. После переводов Георгия Шенгели и особенно Арсения Тарков-

ского приступать к новым подстрочникам Махтумкули страшно. Поэтому, видимо, и не появилось в последние десятилетия нового переводчика Махтумкули. Книга «Истины» первая в этом веке книга новых переводов классика в России.

Хорошо ли перевел Латынин? Давайте вместе посмотрим. Опытный читатель, сравнив, сам увидит и поймёт. Вот фрагмент известного стихотворения Махтумкули «Безвременье» в переводе Арсения Тарковского:

*Смертельно родина больна,
Разрушена и сожжена.
Джигиты в наши времена
В темницах стали стариками.*

Геннадий
ИВАНОВ

Истины Махтумкули Фраги

О книге переводов Валерия Латынина

*Грабёж да бедность... И, греша,
Ожесточается душа.
И ветер, яростью дыша,
Огнем проходит над степями.*

*Истощены, угнетены
Отличны лучшие сыны.
Лихие стали скакуны
Простыми
выюнными ослами.*

*Достойный муж,
как трус, дрожит,
Красавица забыла стыд:
Шах, как змея, народ язвит,
Хан вьётся вороном над нами.*

*Где честь?
Где верность и любовь?
Из горла мира хлещет кровь.
Молчи, глупцу не прекословь,
Страна кишит клеветниками.*

*Язык мой против джи восстал –
Я тотчас палку испытал.
Невежда суфий пирум* стал,
Осёл толкует об исламе...*

*(*Пир – у суфиев означает святой.)
Конечно, отличный перевод. Тарковский – образец! А вот на каком уровне переводы Валерия Латынина. Беру, допустим, стихотворение «Не останется»:*

*Не грусти, о бедный человек,
День придёт –
и шахов не останется,
Ни дворцов, ни городов, ни рек,
Ничего, что видишь, не останется.*

*Перестанет слушаться язык,
И душа покинет тело эмг,
Словьёв, что слушать
ты привик,
Как и гор высоких, не останется.*

*Мысль застряла в голове мой:
И Земля – все семь её частей,
Что приотом были для людей,
Съёжатся, их тоже
не останется.*

*Лишь Аллаха голос прозвучит,
В бездну мир лукавый полетит,*

*И никто его не защитит,
Ни луны, ни солнца не останется.*

*Страны все исчезнут навсегда,
Поелотит их лютая вода,
Тюрки, курды сгинут без следа,
Никаких народов не останется.*

*Ни мужей, забывших божий страх,
Ни зверей, ни комаров, ни пташ,
Ни плодов, висевших на ветвях,
Ни вселенной даже не останется.*

*Говорит всерьёз Махтумкули:
«Божий знев, что люди навлекли,
Не оставит ни клочка земли,
Ничего здесь больше не останется».*

Достойный перевод этого апокалиптического стихотворения. И скажу, что в целом достойный уровень переводов всей книги «Истины».

Мы всё говорим, что была советская школа переводов, что тогда были гиганты... Но пора посмотреть внимательно и признать, что нынче появилась новая плеяда переводчиков. Раньше был хороший стимул переводить – государство платило за это гонорары. Теперь государство устранилось, авторам приходится искать деньги у благотворителей. И теперь, конечно, переводчик получает по сравнению с советскими временами гораздо меньше. Но всё-таки процесс помемного идёт.

Несколько слов о самой книге «Истины». Великий Руми, живший восемь веков назад и награждённый титулом «Султан учёных», сказал такие загадочные слова: «Мир так наполнен, что слова пусты». Вот в наше время, именно в наше время, смысл этого выражения Руми просто открывается: *наполнен* мир сейчас под завязку. Необычайный информационный бум, политический, потребительский бум, человечество утопает во всём этом –

и уже не до слов ему. Да и сами слова выветрились, истёрлись на языках наших. Такое впечатление, что всё надо начинать сначала. С Букваря.

Как вернуть свежесть словам? Где этот Букварь – с запятой, именно с запятой буквы? Конечно, он в наших истоках. В наших летописях, в нашей древней литературе, в духовных книгах, в древней поэзии, в которую входит и Махтумкули. Читаешь его, хотя и в переводе, но видишь безоглядную правду, выстраданное, вечное слово.

Предисловие к книге написал Махматкули Амансахатов, завкафедрой туркменской литературы Туркменского государственного педагогического института. Он

счёл необходимым для себя добавить в подписи, что он «член Союза писателей СССР (членский билет №19412)». Это очень необычно в наше время – видеть та-

кое у соседей из бывшего СССР. Само предисловие – по сути утверждение, что Махтумкули – национальный туркменский поэт общечеловеческого масштаба. Но прежде всего национальный туркменский. «Не дано было достичь вершин национального поэта Махтумкули таким великим поэтам Востока, как Навои, Физули, Джамии, Саади, Фирдоуси. Отцу и наставнику Махтумкули, поэту-философу, мудрецу Довлатамеду Азади тоже не суждено было стать национальным поэтом», – утверждает предисловие. Но это уже чисто литературоведческие тонкости. Если сказать просто, то автор его считает, что Махтумкули для туркмен является тем же, чем для нас Пушкин.

Одним словом, хочется поздравить Валерия Латынина с успешной переводческой работой и поздравить всех, кто прикоснётся к этой книге, с 300-летием Махтумкули Фраги, интерес к которому не иссякает в России.

Р а с п а д а ю - щийся комсомол, перенасыщенный карьеризмом, застигнутый окуляром поляковской прозы в тот момент, когда любое идейное уже ушло на задний план, а на первом – всё ради себя...

«ЧП районного масштаба», долго отфутболиваемое редакциями, взорвалось, наконец, в «Юности», сделав Полякова знаменитым...

Читается ли сейчас?

Но история литературы ценна сама по себе.

...До того – была поэзия Полякова: сочетавшая меру таинственности и глубины, ровно развивающаяся: ибо классические корни дают достойные питательные соки; поэзия, красиво мерцающая смыслами бытия, истолкованными по-своему, пропущенными через фильтры собственной уникальной одарённости.

Когда мы были маленькими, нам рассказывали о Великой Отечественной войне, о пионерах-героях, о защитниках Брестской крепости, о молодоговардейцах. Рассказы не вызывали страх или панику, после них оставалось чувство гордости за Родину, за её героев. И это было очень важно – и для детей, и для воспитывавших их взрослых. Вспомните, ведь было много книг о войне именно для школьников, в них главными героями были дети и подростки. Кто не плакал над судьбой Гули Корольовой, читая «Четвёртую высоту»? Не переживал за ребят из повести «Завтра была война»? Эти книги прочно вошли в нашу жизнь, сформировав представления о том, что хорошо и плохо, чем можно и нужно гордиться, а каких поступков лучше не совершать.

В любое время ребёнку, подростку нужны чёткие ориентиры, нужны ответы на вопросы, волнующие сегодня и сейчас. Значит, нужны и книги, способные объяснить, что происходит, кто свой, а кто чужой, на кого надо ориентироваться в своих поступках. Терроризм, война на Украине, необъятное море информации, в которой порой просто тонешь и теряешься. И детская литература: много хороших книг, но так мало современности. Она как будто старается увести от острых проблем, а ведь их надо решать. Дети и подростки по сути своей максималисты, они не будут годами ожидать, пока взрослые разберутся, вырабатывают какие-то решения – им надо прямо сейчас и понятно: разуму и сердцу. Отдадим должное нашим писателям, такие книги появляются. Просто надо их замечать и надо о них говорить, в первую очередь с детьми.

Несколько лет назад вышел рассказ Ларисы Леонидовны Семишченковой «Чрезвычайная ситуация». Готовится тракт, боевик едет в электричке с сумкой, в которой спрятано взрывное устройство. Здесь, в ненавистной России, ему никого не жал, главное, чтобы не раскрыли до времени, чтобы всё получилось. Все люди, едущие вместе с ним, обречены. Молодой человек, а террорист совсем ещё молод, смотрит на окружающих с презрением. Пара – девушка и парень, мужчина пожимил голову на плечо женщины: как же так, что за проявление слабости, ведь только мужчина должен быть опорой, это он должен подставить плечо женщине. Спит пьяный мужик, на него вообще противно смотреть. Женщина с ребёнком. Старуха с котом. А параллельно идут воспоминания о родителях, семье, о довоенной жизни в родной Чечне. Такая красивая, мудрая мама. Надежный, добрый, понимающий отец. Трудились, дружно жили, вина мужички в ауле не пили, отец говорил сыну: «Не пей вина, сынок, – это путь к предательству. Сначала ты предашь любимую женщину, затем – мать, а потом – родину». Всё было правильно, но началась война. И непо-

нятно, кто прав, кто виноват. Сёла грабят свои же, они забирают мужчин, уводят воевать. В семье пришло горе. Но бомбежка в родном ауле решила всё. Виноваты русские – отец убит, брат увёз мать и сестру с семьёй в Россию, подальше от войны. Он же, потеряв отца, невесту и возможность спокойно жить на родине, решил истить.

Уже в этот момент понимаешь, что что-то не так. Перед нами нет убеждённого террориста: перед нами несчастный человек, потерявшийся в этой жизни. Война поломала привычный уклад, кто-то должен быть виноват – и виновный найден. Это чужие. Весь русский народ. Но ведь в воспоминаниях счастливое детство, любовь, разве об этом будет думать хладнокровный убийца? Действительно, случайности меняет всё. У едущей с котом старушки нет билета. Она после пожара, лишившего её дома, едет к сыну. Кондуктор начинает скандал, в который включаются все пассажиры. И все они дружно на стороне бабушки. Первый выступает пьяный мужик. И выясняется, что это сварщик, уставший, целый день на морозе чинивший трубы. Трезвый. И два месяца без зарплаты. А парень с девушкой предложили заплатить за бабушку, чтобы кондуктор отстал от неё. Да и у кондуктора дома мужинавалид, вернувшийся с войны. Так чем же они отличаются? Горе у всех одинаковое, известно... Желание не задумываться и не сомневаться не срабатывает.

Автор продолжает цепочку случайных случаев. Ударил у старушки-погорельчицы кот. Конечно, приблизил к сумке террориста. А она, отловив проказника, начинает разговор с молодым человеком. Рассказывает молчаливому собеседнику о себе. И вдруг оказывается, что её сын – врач, и по доброте душевной лечит он маму – самую прекрасную и любимую маму на свете – маму будущего террориста, пока ещё не состоявшегося (недаром автор называет его «заблудившимся путником»). И решение, казавшееся единственно верным, становится преступлением. Да ещё всё давно понявшая по жизни пожилая женщина говорит: «Затею неизвестно кто глупость, куда народу податься? Только и есть, что дожидаться, пока замиярятся. Мир всё равно один». Напылают воспоминания: парни отец их с братом, а слова его перекликаются со словами русской матери, об одном они: «Можно жить в согласии, если помогать друг другу в полезном деле и помнить о главном». Много успел переждать моло-

дой человек, прежде чем вместе со своим грузом выпрыгнул из электрички. Много успевает переждать и читатель, переписывая странички рассказа, начавшегося и окончившегося в деревне в российской глубинке, где встречаются все возле колодца, делясь воспоминаниями и обсуждая события дня сегодняшнего.

Никто из нас не рождается террористом, никто не рождается с ненавистью в сердце – ненависть прививают и воспитывают те, кому мир не нужен и не дорог, те, кто наживается на войне. В каждом народе очень много хорошего, много у нас всех общего – сказки и легенды, любовь к близким и Родине. И понимание этого уберёгает от ненависти...

Одновременно в рассказе очень сильно и другая линия – мирная. Это рассказы о прекрасной природе России и

Ольга
ГОРЕЛАЯ

Наша Родина и её герои

Военные конфликты в детской литературе

Чечни, восхищение красотой мира и добрыми, мудрыми людьми, населяющими его. Обычными тружениками: сантехниками, врачами, пастухами – теми, кто созидает, строит. Матерями – они дарят миру любовь. Отцами, дающими ему силу и уверенность. И неважно становится, кто откуда. Главное – что ты дашь людям, какую память после себя оставишь. И тот, кто поймет это, никогда не пойдет убивать просто так. А защищать Родину от зла наверняка пойдет. Я поняла, что герой рассказа никого не убьёт, когда прочла: «Рядом с этими беззащитными людьми он представил тех, кто учил его быть беспощадным, потому что только так, убивая, говорили они, можно установить свой порядок». Агрессия, зло в итоге всегда в проигрыше. Только не все вовремя это понимают...

Перекликается с рассказом Ларисы Семишченковой новелла Николая Иванова «Небожители». Тоже тракт, только состоявшийся, невероятно страшный, полностью осознать который невозможно, – трагедия в Северной Осетии, в Беслане, 1 сентября 2004 года. Главный герой – он и есть «небожитель» – капитан Костя, спецназовец, тот, кто идёт впереди и первым попадает на небо... Новелла, начавшаяся с юмора, так свойственно автору, постепенно становится очень серьёзной. «Ой, не пытайтесь отобять у человека с ружьём его тапки». А ведь отнимут. И не тапки, а жизнь, надежду на будущее, возможность воспитать детей... Ради чего? Ради того, чтобы остались жить другие дети, а зло было уничтожено. Иначе нельзя. Вызвали капитана в первый день его отпуска, оторвав от

бежит обратно – спасать. За ним падает горящая балка.

Переживания капитана, его попытки совершить невозможное мы видим его же глазами. Вот ползёт миллиметр за миллиметром, вот красный, почти уже сдвинувшийся на невозможном солнце, зацепившийся за ветку дерева шарик – держись, как же там дети, бед воды на такой жаре... Расстрелянная очередь из автомата. Внутри здания, значит, по детям. Когда почти уже успел... Девочка. Мелькнувшие глаза ребёнка, спрятавшегося в огромном поварском котле... Он спас их – и девочку, и мальчика. Раненый, вытолкнул из котла мальчишку. Даже если

На героизм способны не только взрослые. Маленький Азамат проявил его не меньше, чем подготовленные спецназовцы. Он справился со страхом и пошёл спасать человека, который помог ему. И Глебика готовится к защите – выстраивает свои пока ещё игрушечные танки. И уже умеет гордиться наградами своих предков...

Разговоры с ребятами, посвящённые Беслану, для меня всегда очень сложные. Трудно говорить о том, как убивали детей, как шла операция по их освобождению, ведь столько погибших. Невозможно не сопереживать родителям убитых детей... «Вокруг школы бродили лишь чёрные се-

дые тени, оставшиеся от обезумевших людей», а дождь тушил пожар, «заодино смывая и последние земные следы погибших ребятишек». Как ещё рассказать, что такое терроризм? Только понятными всем образами художественного произведения. У Николая Иванова они живые, к ним даже за время прочтения небольшого произведения успеваешь привыкаться. И понимаешь, что неслучайная постоянная линия воды: разражаясь, она стекает каплями за шиворот, отмеряя секунды, невероятно хочется пить: «И! самому бы литра два-три-четыре холодной воды. Как дети без неё трети сутки? Ангелы-ангелы, если не можете собраться в войско и облачиться в доспехи, пошлите хотя бы дождик со своих владений. Завтра будет поздно...» И дождь, который пошёл и вправду слишком поздно. Когда читаешь в хронике, как страдали заключённые, как страдали напуганные, что ли. И чувства военного, точно знающего, что смерть реальна в любой момент, но выполняющего свою задачу (взятие своей Брестской крепости, её он не раз представляет, пока ползёт к школьному забору), – тоже становится возможным описать, идя за автором. Поверьте, объяснять детям так тоже легче. Они читают и думают вместе с тобой, многие вопросы сами собой отпадают.

Что ещё очень важно – в этих произведениях есть герои. Им сочувствуешь, на них хочется ориентироваться, быть хоть капельку похожим. «Не случилось в истории большей подлости взрослых по отношению к детям. Ворваться во двор во время школьной линейки, расстрелять на глазах у ребятишек их отца, запереть всех в спортзал при тридцатиградусной жаре без воды и света... Резать этих гадов на куски...» – думает Костя. И это не месь, это говорит необходимость спасать, такая понятная отцу двух детисек. Однако нам показывают положительного героя не только в рискованном жизненно военном, но и в обычных людях, в детях. А для школьников это очень важно – им будто рассказывают о них самих. Это сопереживание – основной мотив, на котором строится разговор. Потому что начинаем все вместе понимать, события происходят не где-то далеко и давно, это здесь, сейчас и может случиться с каждым, если не начнём учиться слышать и понимать друг друга. И если не научимся не бояться бороться с несправедливостью, жестокостью, фашизмом – каждый на своём месте.

Третий рассказ написал Александр Смышляев. Совсем недавно. Думаю, это первая книга об СВО для детей – для малышей. При этом она отлично подойдёт всем – ребятам лет с пяти-шести и взрослым, родителям и учителям. Даже не знаю, кому она нужна.

Если кто-нибудь с учёным видом знатока заявит, что в наши дни интерес к поэзии упал, то такого «знатока» без труда опровергнет любой читатель лириоталов в интернете, любой посетитель книжных ярмарок и литературных мероприятий. Другое дело, что поэтическое сообщество в двадцать первом веке являет собой картину, так сказать, атомизированную: найти на просторах Сети малопосещаемый аккаунт талантливого нераскрученного поэта можно только, если знать, где искать, а каковы сейчас тиражи у книг стихов, известно даже тем, кто сам никогда ничего не издавал. Поэтому далеко не все интересные поэты вовремя «приходят» к читателям, жаждущим самобытных стихов. И некоторых из них читатель «открывает» только спустя десятилетия после их смерти.

Сборник (полное собрание?) стихов Григория Крылова (1951-1994) был издан благодаря его друзьям и попал ко мне в руки через одного из них – Константина Лунёва. Он же – редактор-составитель этой книги и автор стихотворения памяти

Григория Крылова, перекликающегося с основными мотивами и настроениями его лирики... Я благодарна ему за знакомство с этой книгой.

Форма стихов Крылова (и этого не может не отметить читатель, чья «книжная диета» последних месяцев состояла в основном из авангардистской поэзии) вполне традиционна для русской лирики XX века: силлабо-тоника, изредка раёшники или верлибры, иногда – старые добрые европейские твёрдые формы: сонет, терцины... Преобладают рифмованные стихи, но рифмы часто неточны, нарочито небрежны (в строгом смысле, это не рифмы, а ассонансы): «ветер – встретил», «заросшим – подорожник», «к утру – уйдут»...

Темы стихов также вполне традиционны, в чём легко убедиться, открыв оглавление книги: «Времена года» – пейзажная лирика; «Пёстрые странички» и «Не умолкай, Орфейева свирель» – философская лирика и стихи с литературными мотивами (в т.ч. античными); «Ты мне приснилась...» – любовная лирика; названия разделов «Друзьям»

и «Узоры Востока» говорят сами за себя; «Небесный свет» религиозная лирика; «Разговор с душой» саморефлексия поэтического «я»; «У последней черты» – стихи, в которых осмысливается тема (собственной) смерти; «Поэзия моя сестра» – рефлексия о призвании поэта и сущности поэзии. В финальном разделе, предшествующем воспоминаниям друзей и послесловию Василия Геронимуса («Стихи, переводы, проза Григория Крылова. Подборка Юрия Пастернака»), объединены стихи на множество тем, среди которых выделяется тема сна (в т.ч. в её философском осмыслении).

Однако здесь тот случай, когда тематика стихов не даёт полной характеристики поэтического универсума – важнее не она, а настроение и тональность.

Лирика Григория Крылова – это прежде всего поэзия человека думающего. И человека читающего, можно прибавить: в его стихах много отсылок к библейским текстам, к культуре Эплады, европейскому искусству минувших эпох, к арабско-персидскому культурному пространству. (Здесь уместно вспомнить,

«И я за это жизнь»

О книге стихов Григория Крылова

что Крылов был сотрудником института искусствознания, знатоком древних музыкальных традиций). Порой речь идёт о так называемой ролевой лирике, то есть текстом от лица представителей соответствующих эпох и культур (например, стихотворения «Жалоба старого язычника», «Еретик», «Звезда», «Слепы» и многие другие). Но такие обращения к другим культурам не подразумевают самоцели нарядить своего лирического героя в экзотический костюм, напротив, они важны прежде всего потому, что герой/поэт ищет в них ответ на собственные экзистенциальные вопросы:

*И дух не предвзбрал ещё себя,
И тело ещё тешилось жданием,
Когда душа, как ласточка, летела
В Эпладу, где белел родимый дом.*
(«Таен»)

Для поэтического «я» Григория Крылова всё служит предметом рефлексии, и даже его пейзажную лирику правильно было бы назвать пейзажно-философской:

*Я попадаю в лес порой
И ощущаю связь святую
С листвою, кружащей впустую,
С шероховатой корой...*

Поэтический универсум Крылова не пустынен (хотя лирический субъект и любит бывать наедине с природой, и у тех, кто прочтёт только раздел «Времена года», может сложиться ошибочное впечатление, что собеседник поэта – лишь лес и персонализированная Осень или Зима). В его поэтическом мире есть и птицы, и люди, и божества (античные и не только), и «тени» гениев минувших эпох – но